

КОМИ ФОЛЬКЛОР

В «ГРАММАТИКЕ ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА» П.И. САВВАИТОВА

В.М. Кудряшова (Сыктывкар)

П.И. Савваитов, получивший прекрасное образование в Вологодской духовной семинарии (1833 г.) и Санкт-Петербургской духовной академии (1837 г.), в возрасте 22 лет становится профессором философии Вологодской духовной семинарии. Педагогическую деятельность он успешно сочетает с научно-исследовательской работой, с годами становится известным ученым в самых различных областях науки – археологии, археографии, истории, краеведении, богословии, церковной истории, грамматике, лексикологии.

С усилением интереса русских ученых к сбору и изучению духовной и материальной культуры народов России П.И. Савваитов, будучи одним из руководителей Этнографического отдела Русского географического общества, с помощью коми краеведов собрал и систематизировал богатейший материал по коми грамматике, лексике, фольклору.

Касаясь его исследовательской деятельности, А.К.Микушев писал: «Изучением истории коми культуры П.И. Савваитов занимался еще в годы работы в Вологодской духовной семинарии (1837–1842 гг.), но главным образом в период работы над «Грамматикой зырянского языка» (1843–1850 гг.). Эту «Грамматику...» П.И. Савваитов составил в связи с открытием в 1843 г. при Вологодской духовной семинарии класса зырянского языка, готовившего священнослужителей для работы в Коми крае. Задавшись целью дать зырянскому классу «классическое руководство» по родному языку, П.И. Савваитов в течение долгих лет собирал материал по коми языку и фольклору» [1, с. 235].

П.И. Савваитов оказался одним из первых, кто записывал традиционный фольклор от его хранителей и исполнителей, непосредственно наблюдая его живое бытование, поэтому записанный им материал имеет особую ценность. В своем издании он использовал фольклор бассейна р. Сысола, так как считал, что говор проживавших там людей меньше всего подвергся влиянию соседних языковых особенностей.

Его книга «Грамматика зырянского языка» содержит малоисследованные и почти еще неизвестные к тому времени широкому кругу читателей образцы разножанрового фольклора на коми языке. Его обращение к народным устнопоэтическим текстам совпало с периодом их первоначального выявления, изучения и публикации русскими исследователями. В частности, инте-

рес к коми фольклору, песенным текстам в тот период проявляли Н. Надеждин и А.М. Шёгрэн.

Касаясь собирательской деятельности П.И. Савваитова, А.К. Микушев отмечал: «Фольклорные материалы архива П.И.Савваитова отражают в основном состояние коми фольклора в середине и во второй половине XIX в., т.е. являются как бы продолжением материалов А.М. Шёгрена (первая половина XIX в.). Среди них есть тексты разных коми фольклорных жанров: песен, сказок, свадебных причитаний, загадок, пословиц, поговорок, детских побасенок и дразнилок, заговоров, примет, описаний свадебных и похоронных обрядов, обычаев» [1, с. 236-237].

В «Граматику зырянского языка» П.И. Савваитовым включены 21 пословица, одна волшебная сказка, одна сказка о животных, две детские песни-сказки, одна считалка, а также свадебные причитания «Спасу Пречистому», причитания девушки-невесты отцу, матери, брату, ближней родне, жениху, ребенку, утренней, бане, девичьей воле, косе, дружке, жениху, перед венчанием. Так как книга предназначалась для будущих служителей церкви в сельских местностях, то фольклорный материал должен был сохранять дух христианской морали. Об этом говорят приведенные им пословицы: «Ен кӧ оз гымышт, свят-свят он шу» (Если бог не погремит, свят-свят не скажешь), «Лӧк йӧз лӧкӧн, ен – милӧстьӧн» (Злые люди – злом, бог – милостью), «Лӧк йӧз воропӧн оз вермыны кутны енлысь милӧсть» (Злые люди не могут черенком удержать милость Божию). Вопреки утверждению, что П.И. Савваитов сознательно стремился передать собранный им фольклорный материал в духе христианской морали, следует отметить, что совсем немного пословиц, выражающих религиозность и смирение народа. Наоборот, много пословиц, отражающих национальный характер, образ жизни, поведение, внутреннее состояние коми человека. Например: «Рам морт сьӧла кодъ» (Смирный человек похож на рябчика), «Пӧрысь пон оз увт тыртӧм пу вылӧ» (Старый пес не будет лаять на пустое дерево), «Ошкысь повзыльӧм морт мырйысь полӧ» (Напуганный медведем человек пня боится), «Ошкысь кӧ повны, небур и овны» (Если медведя бояться, то и жить нехорошо). Судя по пословицам, П.И. Савваитова интересовала не только народная поэзия, но и характер коми человека, его мировоззрение, взгляды на природу, особенности быта и т.д.

В «Граматику...» исследователь включил волшебную сказку «Сар гоэья» (Царская супружеская чета). Ее сюжет перекликается с сюжетом оригинальной сказки об Аленушке и барашке с золотыми рогами, записанной в 1939 г. в с. Деревянск Усть-Куломского р-на от 70-летней П.Н. Гуляевой. Если в данной сказке героями являются дети бедных родителей, три дочери и сын, то в сказке, записанной П.И. Савваитовым, главными персонажами являются царские дети: три сына и дочь. Отправившись в дорогу, царские сыновья по очереди залезают на березу с серебряными, золотыми и жемчужными листьями и остаются там.

Данный сюжет уходит своими корнями в финно-угорскую общность, основываясь на представлении о пребывании душ умерших в листве бере-

зовых деревьев. Если в усть-куломском варианте сказки сюжет завершается тем, что сестра выходит замуж за ѓксы (сына князя), то в сказке П.И. Савваитова спрятавшуюся под чаном девушку, сестру пропавших трех братьев, находит младший из трех царских сыновей и женится на ней.

В его «Грамматике ...» впервые издана также сказка «Руч да чокыр» (Лиса и мерин). Как отмечал Ю.Г. Рочев, данная сказка имеет оригинальный сюжет, встречающийся только в коми фольклоре. Он полагает, что этот текст привлек П.И. Савваитова «насыщенностью древнекоми лексикой и понятиями, либо вышедшими уже из употребления в обыденной речи, либо сохранившиеся в отдельных диалектах коми языка: чокыр, сёкыр, сокур, сёхур (мерин); чадэ, пан (жрец), чадэ пурт (нож жреца); ен зуд (точильный брусок бога); тӧлысь ѓш (бык месяца); шонді зон (мальчик, сын солнца), кӧч йӧв (заячье молоко) и некоторые другие. Архаическая лексика, отголоски мифологических воззрений коми, наличествующие в данной сказке, позволяют отнести ее к весьма древним» [3, с. 212].

Там же приводятся довольно распространенная детская песня-сказка «Бобӧ, бобӧ» (Бобэ, бобэ) и менее известная песня-сказка «Джыдж, джыдж» (Стриж, стриж), названная по основному действующему лицу. Знает их почти каждый коми человек с самого раннего возраста. Сюжет их со времен записи П.И. Савваитовым остался почти неизменным. Тексты бытуют в песенной форме, построены на серии последовательных вопросов и ответов.

Значительную часть записей из приведенного П.И. Савваитовым фольклорного материала составляют коми свадебные причитания, о которых в то время еще почти ничего не печатали или печатали лишь отдельные образцы. Описание свадебного обряда, обрядовых причитаний будет сделано гораздо позже лингвистами М.А. Сахаровой, Т.И. Жилиной, а также фольклористами А.К. Микушевым, П.И. Чисталевым.

Ф.В. Плесовский, автор монографии «Свадьба народа коми», изданной в 1968 г., писал: «Свадебная поэзия коми, как и обряд, еще не исследована, хотя публикаций причитаний имеется сравнительно больше, нежели описаний обряда» [2, с. 7–8].

В первую очередь автор ссылается на материалы, опубликованные в «Грамматике зырянского языка». Далее Ф.В. Плесовский отмечает, что «причитания коми обладают потрясающей лирической силой. В этом определении нет преувеличения. По художественной яркости они превосходят все другие жанры коми фольклора, потому вправе говорить о них как о жемчужине поэзии коми. Именно после ознакомления ее свадебными причитаниями Н.И. Надеждин написал восторженный отзыв о поэзии коми вообще. Именно из-за их художественности причитания печатались во многих работах дореволюционных этнографов и языковедов. Без текстов причитаний не обходился ни один фольклорный сборник до последнего времени» [2, с. 7–8].

Исследователь отмечал также, что «Причеты коми по характеру и содержанию разделяются на причеты-описания, причеты-обращения, причеты-благодарности, причеты-хуления. Деление это, правда, весьма условно, так

как в каждом из причетов можно видеть и описания, и обращения, и благодарность» [2, с. 167].

Всего П.И. Савваитовым приводится 15 причитаний, раскрывающих глубину эмоциональных переживаний коми девушки-невесты перед предстоящими изменениями в ее жизни. Она исполняет их с потрясающим лирическим пафосом, воздействуя на слушателей описанием конкретно-реальных картин окружающей действительности.

Обращаясь к Пречистой, невеста просит у нее благословения и пожелания добра, счастья с головы до ног, столько всего, сколько звезд на небе, зеленой травы вокруг, рыб в воде, птиц, ягод в лесу. Место, где она сидит, оплакивая свою судьбу, это брусовая лавка около светлого окна, которую сделал русский сын. Хотя села она основательно, но чувствует себя очень неуверенно, подобно русской нитке, которая готова вот-вот порваться.

Несомненно, причитания записаны П.И. Савваитовым от талантливой исполнительницы, которая образно, в эмоциональной форме описывает свои впечатления от опасности того положения, в котором она оказалась. Она считает, что ее ожидают серьезные испытания в дальнейшей жизни, так как пришедший к ней парень унес ее девичью волю, завязав прямым узлом в кушаке, потешаясь над ее девичеством, а затем отпустил в чистое поле, где невозможно ее больше увидеть своими глазами. Девушка полагает, что она жестоко ошиблась, принарядившись, так как думала, что оделась для своей любимой родни, однако оказалось, что пришли к ним немцы-татары и без всякой совести съели у них всю еду и выпили все вино.

В приведенных П.И. Савваитовым плачах девушки-невесты сосредоточена глубочайшая эмоционально-поэтическая сила, драматизм, связанный с ее уходом из родительского дома. В обращении к матери она выражает чувство страха перед будущим, укоряет свою кормилицу тем, что она отдает ее в чужую семью. Дочь спрашивает у матери, разве для этого она родила ее, качала в колыбели, кормила из рожка, растила, покупала цветные платья. Как же ей забыть житье с матушкой, которая сажала ее за готовый стол, спать укладывала на мягкую постель. Утром будила – до пояса укрывала, второй раз будила – до ушей закрывала, третий раз будила мягкими, как масло, словами, а затем укрывала с головой. Предстоящая жизнь в семье мужа представлялась ей состоящей из всевозможных упреков. Пойдешь тише по полу – скажут еле ноги таскает, покруче пойдешь – скажут половицы ломает. Девушка просит также у матери прощения за то, что не раз досаждала ей.

В причитании брату девушка ласково называет его русским боярином, ясным соколом, любимым братом. Обращаясь к нему, она спрашивает, ради чего он уже две недели старается, бегаёт как будто без головы. Ради какой радости он не спит ни днем, ни ночью, не ест. Неужели она так надоела, досадила любимому брату, русскому боярину. Сестра выражает ему свою обиду, рисуя картины прежней совместной жизни. Многие годы они были вместе, пели, катались на добром коне, ходили по игрищам. В то же время она благодарит брата за дружбу, совместную радостную жизнь в родительском доме.

Девушка-невеста в своей причети выражала благодарность и близкой родне, к которой она могла прийти в любое время суток. Родная тетя принимала ее как самого близкого человека всегда ласково, добрым словом. Сетую на то, что ей приходится разлучаться со всеми, она просит относиться к ней по-прежнему тепло, хотя чувствует себя остывающим железом и потерянной овечкой.

В обращении к «Зонлы» (парню) девушка с горечью восклицает, что она, бедняжка, надолго зазевалась у русских братьев-бояр и у русских кукол сестер. Она оплакивает свою прошлую раздельную девичью жизнь, как она ходила-похаживала, пела и играла. Плохое не пугало парня, как и ее бедность. Много осенних вечеров проводили они вместе, а также во время рождества и масленицы. Гуляли и катались на сторублевой лошади и двадцати пяти рублевых санях. Во время пасхи прыгали и качались на качелях. Все это стало уходить навсегда. Зимняя дорога наступает на нее. От всех она вынуждена остывать и разлучаться как железо, как потерянная овца навсегда, на свой человеческий век.

В цикле причитаний девушка должна была обратиться и к ребенку, которому нет дела до ее страданий. Он ничего не знает о ее скорби, душевном затвердении. Разве он может что-то увидеть сквозь свои золотые ресницы, услышать серебряными ушами? Если дадут ему два пряника, то он позарится на них своим детским умом и предаст ее.

В причитании «Утренняя» (Асья) девушка последний раз прощается с родительским домом, кормильцем-отцом и кормилицей-матерью, которые разбудили ее уже не по-прежнему. Прокричавший святой петух разбудил пономаря, затем попа. Пришло время ей встать перед святым престолом. Святой петух разбудил дьякона, которому настало время встать перед царскими воротами, а затем подняться на клирос. Святой петух прокричал время и плохим женщинам злиться над бедной девушкой. Он разбудил и хороших женщин от сладкого сна. Святой петух прокричал бедной девушке очень горькое время, время затвердеть, подобно камню.

Непременной и важнейшей составной частью свадебного обрядового действия является причитание бане. Девушка приглашает своих сестер, русских кукол, и братьев, русских бояр, сходить с ней помыться в бане. Причитая, она вспоминает, как ходила раньше в баню с легкой, как хмель, головой, с красивым именем и славой с любимыми подругами-ровесницами, прыгая на одной ноге, прикрыв один глаз, слушая одним ухом, по гладкой, как ска-терть, столбовой ямской дороге. Ярко, поэтично описывается сама баня с медной каменкой, с серебряными пазами, золотым мхом, с зеленым, с кистями веником, дорогим казанским мылом, ключевой водой, где плавали утки и плескались рыбы. Однако с горечью она сообщает, что дрова для бани приготовили из ее молодых косточек, а разгоревшийся якобы огонь – это вовсе не огонь, а разбрызгавшиеся ее капельки крови. Вместо дыма выпустили ее большую девичью волю, поднявшуюся над небесами, которую больше глазами не увидеть и ушами не услышать. Девушка благодарит брата, ласково

называя его то русским боярином, то ясным соколом и горящей свечой за то, что он затопил для нее баню.

Ключевым моментом в свадебном причитании является прощание с девичьей волей, которую девушка называет солнцеликой, девичьей красотой, поповским чином, сравнивает ее с цветением шиповника и земляники. Она глубоко сожалеет о том, что не успела еще созреть, развиться, как вырвали ее с корнем. Неожиданно кончилось ее хождение в полный рост с легким, как хмель и гладкой, как яйцо, лицом-головой, с хорошим именем и славой. С грустью она вспоминает свои юные годы, прошедшие в играх, в бегах рассыпную, купанье в реке, словно сиг, шуренок или язь в воде. Белое ее тело, как у зайца, мягкие, как морошка, со светлой, как у земляники кровью стало превращаться, словно точильный брусок, в древесную еловую кору, а светлая кровь – в пыль.

Прощание с косой, так же как и с девичьей волей, символизирует расставание с девичеством. Ее солнцеликая шелковая коса-краса, лежавшая по середине спины вдруг куда-то исчезла, когда – сама, бедненькая, не заметила. Возможно тогда, когда она ходила-похаживала волос с волоском спрялось да прядью выпало. Может она упала кормильцу-батюшке на широкую полосу. Она просит своего любимого брата, русского боярина, поискать косу на широких лугах и полях, в бруснично-черничном лесу, в морошковом болоте. Может осталась она у церкви Миколы, если там нет, возможно, найдется у часовни Здвижения. Или осталась она в углу церкви Троицы. Не увидеть ее, видимо, больше.

Причитание дружке двойственное. Начинается с его охаивания, которым выбран, на ее взгляд, самый плохой человек. Карикатурно описывается его внешность. Одет он, словно собрался идти расчищать подсеку. Голова у него, как затычка в овине, сам в лаптях, нос коромыслом. Выбрали его для нее братья, русские бояре. Презрительное отношение к дружке постепенно меняется на воспоминания прошедшей юности, когда она вместе с молодыми парнями ходила на игрища, пела, развлекалась. Худая была, но не боялись ее худобы, не стеснялись и ее бедности. Почитали за доброту и воспитанность. Пришла пора, и она стала остывать ото всех как железо, разлучаться, как овца, на весь свой оставшийся человеческий век.

Последнее причитание записано от девушки перед венчанием. Обращаясь к Спасу Пречистой и Николаю милостивому, она просит покорной головой пожелать ей добра, благословения и большого счастья, чтобы жизнь была с полными закромами и сусеками, с хлебным лукошком. Она просит у кормильца-батюшки пожелать ей счастья и благословения, а также от кормилицы-матушки благословения, доброго пожелания с головы до пят, проводить ее из выходящей хлебосольной двери в такую же входящую хлебосольную дверь.

П.И. Савваитовым приведены 15 причитаний, которые раскрывают национальный характер, образ жизни коми девушки-невесты, ее мысли, желания, поведение, отношение к родителям, братьям и сестрам, близкой родне

и т.д. Все это передается с потрясающим эмоциональным и лирическим пафосом, создавая колоритные образы и картины девичьей жизни, с ее расставанием и воздействия на слушателей конкретно-реальными картинами окружающей действительности.

Как отмечал сам П.И. Савваитов, «все народное – драгоценно для нас». Произведения фольклора записаны им точно и грамотно, именно так, как это звучало в устах талантливых исполнителей, тонко чувствующих и хорошо знающих коми язык. Однако остается только сожалеть, что ученый не оставил никаких записей, указывающих на паспортные данные произведений, время и место записи, имена исполнителей. В целом же собранный П.И. Савваитовым фольклорный материал не ограничивается публикацией им в «Грамматике зырянского языка».

Литература и источники

Микушев А.К. Из истории русской науки о коми народной поэзии // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. IV С. 230–239.

Рочев Ю.Г. Детский фольклор // История коми литературы. Сыктывкар, 1979. Т. 1. С. 194–224.

Плесовский Ф.В. Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968.